

**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
ТОРЖЕСТВЕННОГО КРАСНОРЕЧИЯ
ЮЖНЫХ И ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН IX—XVI ВЕКОВ
(К постановке вопроса)**

Торжественное красноречие южных и восточных славян IX—XVI вв., до эпохи барокко,— важная тема в истории развития литератур славянских народов. До сих пор она считалась малоисследованной, так как в научной литературе не очерчен точно круг литературных памятников, относящихся к торжественному красноречию болгар, русских и сербов, не ясны и границы, отъединяющие письменные сочинения этого рода от памятников агиографических, гимнографических, учительных и других жанров. Необходимость изучать творения риторского искусства как литературные произведения, а торжественное красноречие как поджанр ораторской прозы, утверждалась одним И. П. Ереминым¹, однако лишь на материале древнерусской литературы и с частичным применением теории так называемой литературной риторики². Отсутствовали и попытки целостного изучения торжественного красноречия южных и восточных славян как одного поджанра так называемой межславянской литературы, т. е. литературы общей на протяжении веков для славянских, а порой и неславянских народов (румын и молдаван в XIV—XVI вв.). Так как отдельные памятники ораторской прозы издавались, а некоторые из них, самые известные, как, например, «Слова» Климента Охридского, Илариона Киевского, Феодосия Хиландарца, Евфимия Тырновского, Григория Цамблака, Епифания Премудрого, Пахомия Серба и др., внимательно изучались с разных точек зрения, наука накопила громадный эмпирический, но несистематизированный материал. И все же осталось невыясненным, были ли ораторские произведения объединены каким-либо общим, охватывающим все области культуры южно- и восточнославянских стран движением, или следует говорить об отдельных, разрозненных попытках народов в тот или иной период своей истории создавать шедевры «для произнесения вслух». Неясно также, в какой мере развитие красноречия было синхронным или диахронным, зависящим или независимым от

¹ И. П. Еремин. Ораторское искусство Кирилла Туровского.— «Труды Отдела древнерусской литературы. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР» (ТОДРЛ), т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 50—58; то же в кн.: И. П. Еремин. Литература Древней Руси (этюды и характеристика). М.—Л., 1966, стр. 132—143. Ср.: И. П. Еремин. Лекции по древней русской литературе. Л., 1968, стр. 71—94.

² И. П. Еремин рассматривает амплификацию, построение тирады (периода) с анафорой, антитезой, синонимией, а также композицию «Слов» Кирилла Туровского.

культурного, и литературного в том числе, развития своих стран, сочеталось ли оно с влияниями и взаимовлияниями славянских культур и т. п.

Более того, не ясны и основы периодизации торжественного красноречия по странам, т. е. следует ли ее строить в соответствии с исторической периодизацией, или она должна быть иной, учитывающей общелитературную периодизацию, но не совпадающую с ней. Наконец, совсем не выяснено, в чем же заключалась национальная специфика в развитии торжественного красноречия у каждого из славянских народов и как она соотносится с межславянской литературой и общим процессом в смене литературных стилей. Только по выяснении всех этих проблем можно будет достаточно точно представить себе исторические причины, вызвавшие к жизни торжественное красноречие у славян, и попытаться раскрыть основные закономерности и движущие силы в истории этого поджанра. Только по выяснении всех этих проблем можно будет решить проблему литературно-эстетической ценности риторики как вида словесного искусства, ибо до сих пор остается неясным, в какой мере произведение средневекового ораторского искусства может считаться произведением литературы. При этом надо будет решить сложный вопрос о взаимоотношении риторики с философией средневекового искусства, зависящей как от христианского неоплатонизма, так и от развивающихся воззрений самого народа.

Само собой очевидно, что мое сообщение при всей своей краткости не может претендовать на полное разрешение ни одного из поставленных здесь сложнейших вопросов. Моя задача гораздо скромнее — обосновать правомерность постановки некоторых из перечисленных выше проблем с тем, чтобы изучение торжественного красноречия южных и восточных славян могло бы быть успешным.

Древнеславянская ораторская проза как система

С произведениями искусства славяне познакомились в IX в., когда после принятия христианства им стала доступной сокровищница греко-византийской книжной культуры, уходящей своими глубокими корнями в античную эпоху. От возникновения первых письменных ораторских произведений в Европе до первых оригинальных произведений древнеславянского красноречия — «Слов» Константина Философа (60-е годы IX в.) прошло около полутора тысяч лет. За это время жанр ораторской прозы прошел долгий и сложный путь развития. Нам нельзя игнорировать это развитие, так как древнеславянская ораторская проза была одним из последующих этапов в развитии европейской ораторской прозы. Она унаследовала от Византии и систему, и теорию, и практику этого жанра, глубоко и всесторонне разработанные на протяжении веков.

В системе литератур древних славян, как показал Д. С. Лихачев³, первенствующее место занимает система жанров, а жанры находятся между собой в определенном, отнюдь не случайном, соотношении, образуя жанровые ассоциации, меняющиеся исторически от целого ряда причин. Каждый жанр, как указывает Д. С. Лихачев, в свою очередь, строится как ассоциация, как сложное архитектурное сооружение ансамблевого типа⁴. Древнеславянская ораторская проза как жанр также имела вид сложной и вполне устойчивой ассоциации, имеющей строго определенную структуру, иерархию поджанров и еще более мелких подразделений, что несколько напоминало структуру самого феодального общества древних славян. Эта малая система, как и вся система жанров древнеславянских литератур, находилась в состоянии «подвижного равновесия», т. е. она сама и отдельные ее части постоянно изменялись, развивались или сходили на нет, возрождались и снова умирали, чтобы уступить дорогу новому. Это «подвижное равновесие» находилось в связи со всем историко-литературным процессом, влиявшим на формирование «стилей эпохи» и многообразных жанровых стилей⁵.

Система древнеславянской ораторской прозы представляется в следующем виде:

I. Поджанр — торжественное красноречие

1. «Слова» на дни церковных праздников — господских богородичных, в честь ангелов, пророков, апостолов, первомучеников, на храмовые праздники, на воскресные дни.

2. «Слова» в честь святых (кроме ветхо- и новозаветных).

3. «Слова» или «церковные речи» в честь светских властителей — царей, князей и т. д.

II. Поджанр — учительное красноречие

1. Экзегетические поучения или беседы, содержащие изложение и толкование Священного писания.

2. Догматические «слова», излагающие догматические истины.

³ Д. С. Лихачев. Древнеславянские литературы как система.— В кн.: «Славянские литературы. VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968). Доклады советской делегации». М., 1968, стр. 5—18. То же на болгарском языке: «Славянские литературы като система».— «Литературна мисъл», год 13, кн. I. София, 1969, стр. 3—38. Ср.: Д. С. Лихачев. Система литературных жанров древней Руси.— В кн.: «Славянские литературы. V Международный съезд славистов. (София, сентябрь 1963). Доклады советской делегации». М., 1963, стр. 47—70.

⁴ Д. С. Лихачев. Древнеславянские литературы как система, стр. 29—32.

⁵ О некоторых особенностях древнерусской ораторской прозы см.: З. К. Бегунов. Древнерусская ораторская проза как жанр. (К постановке вопроса).— В кн.: «Пути изучения древнерусской литературы и письменности». Под ред. Д. С. Лихачева и Н. Ф. Дробленковой. Л., 1970, стр. 75—85.

3. Катехизические поучения или беседы, содержащие изложение элементарных основ христианской веры и морали.

4. Апологетико-полемические «слова», поучения или беседы, содержащие изложение и защиту истин и догматов веры от нападков язычников, еретиков и раскольников, например, латинян.

5. Литургические «слова» на темы какой-нибудь одной части богослужения.

6. Нравоучительные и нравообличительные поучения или беседы на темы нравственно-этических основ христианской веры.

Необходимо различать четыре формы проповеди: «Слово», «Почтение», «Беседа», «Всенародная речь».

Именно такой была система ораторской прозы, унаследованная южными и восточными славянами у греков. Ведущее положение в системе ораторской прозы Болгарии, Руси и Сербии занимал поджанр торжественного красноречия. Изучая его, необходимо принимать во внимание ряд особых обстоятельств: во-первых, не все письменные памятники сохранились до наших дней, особенно пострадали памятники Балкан, большая часть которых сохранилась в поздних списках; во-вторых, территория и население Болгарии и Сербии даже во времена наивысшего расцвета, например, при царях Симеоне и Стефане Душане, были меньше, чем территория и население Киевской Руси и намного меньше — Московской Руси XIV—XVI вв.; в-третьих, до наших дней не сохранилось образцов светского красноречия славян — речей во дворцах и боярских хоромах, в народных собраниях и отдельных домах. Но если даже допустить, что не все памятники ораторской прозы сохранились до наших дней, то количественный состав славянских проповедей IX—XVI вв. не повлияет на функцию системы ораторской прозы у славянских народов, которая была вполне определенной, двоякой и нерасчлененной: 1) деловой, служебной (политической или церковной) и 2) художественной. Это означало, что ораторская проза как часть литературы, как форма проявления общественного сознания, отражала соответствующее общественное бытие феодальных обществ древних славян. Это означало также, что ораторская проза, содержащая в себе надстроечные элементы, в известной мере помогала своему базису оформиться и укрепиться; проповедь «слова божьего» стояла у истоков просвещения новообращенных народов, у истоков идеологии феодального государства. Каждый священник обязан был учить, и авторитет его проповеди освящался авторитетом церкви, которая в средние века была идеологической опорой феодального строя. Кроме того, это означало, что, несмотря на преобладание внелитературной функции, проповеди в храме и вне храма были рассчитаны не только на убеждение, но и на удовлетворение эстетических потребностей слушателей. Творцами речей были проповедник и его слушатели, которые сопереживали с ним и способствовали созданию той атмосферы, которая вдохновляла оратора к им-

провизации, к творчеству, и потому он уже не удовлетворялся тем, что доставляли ему история и логика, а прибегал к художественному вымыслу, искал совершенных поэтических средств для выражения своих мыслей и чувств.

И в Болгарии, и на Руси, и в Сербии уже через несколько десятилетий после принятия христианства сложился известный круг людей «прѣизлиха насыщѣвших ся сладости книжныа», к которому могли обращаться с изысканной речью и Климент Охридский, и Иоанн Экзарх, и Иларион Киевский, и Кирилл Туровский, и Феодосий Хиландарец, чьи проповеди отличались и высоким уровнем риторского мастерства, и глубиной богословских познаний. Приобретенное этими проповедниками мастерство не было результатом только самобытного развития. От изучения к подражанию и творчеству — таков был путь большинства церковных ораторов, многие из которых либо учились в школах Византии, либо использовали классические руководства и лучшие образцы красноречия античности, эпохи эллинизма, а также таких ораторов греко-византийского мира IV—IX вв., как Григорий Богослов, Василий Великий, Иоанн Златоуст, Григорий Нисский, Афанасий Александрийский, Ефрем Сирий, Кирилл Иерусалимский, Кирилл Александрийский, Прокл Константинопольский, Андрей Критский, Феодор Студит, Иоанн Дамаскин, Фотий и др. Они имелись под рукой у славянских писателей и в оригинале, и в переводах на славянский язык.

В Первом Болгарском царстве, Киевской Руси, Сербской державе Неманичей образованность стояла на высоком уровне. В первые годы после принятия христианства славянские народы, благодаря Константину-Кириллу Философу и Мефодию и их ученикам, получили все, что было совершенно необходимо для богослужения и развития литературы на родном языке: полные комплекты богослужбных и библейских книг, сочинения «отцов церкви» разнообразных жанров — все в переводах на славянский язык. Жившее в славянских странах образованное греческое духовенство вносило и свою лепту в общее дело, а славяне часто бывали в Константинополе и на Афоне, где могли учиться в специальных школах и в монастырских скрипториях.

Известно, что Константин-Кирилл Философ получил в середине IX в. образование в Магнаврском дворце, там же в конце IX в. учился и болгарский царь Симеон. Последний, по свидетельству Лиутпранда Кремонского, изучал в Константинопольском университете риторику по Демосфену, а силлогизмы по Аристотелю⁶.

⁶ «Scriptores rerum germanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae historicae separatum edidit. Liudorandi episcopi Cremonensis opera». Editio 3. Hannoverae—Lipsiae, 1915. s. 87. В IX в. в школах Византии, кроме риторики и силлогистики, изучали также Священное писание, грамматику, диалектику, арифметику, геометрию и астрономию. В качестве учебных примеров цитировались тексты из Гомера и других классических ав-

Учителем Константина был крупнейший проповедник того времени патриарх Фотий; последний воспитал в духе уважения к красноречию светских ораторов Лев Математик, архиепископ фессалоникский, ставивший светское красноречие выше красноречия апостолов и находивший в Библии плеоназмы.

Сам Кирилл Философ, по словам пространного жития, «в 3 мѣсяца навѣкъ всю граматикую, а прочаа ся ять учение: научи же ся Омиру, и геомитри, и у Льва, и у Фотѣя диялексице и всѣмъ философскимъ учениемъ, къ сим же и риторикии, и арифметикии, и астрономии, и мусикии, и всѣмъ прочимъ еллинскимъ учениемъ»⁷. На основании некоторых косвенных свидетельств XII—XIII вв. мы можем полагать, что и люди древней Руси знали о риторском образовании и связывали его с упражнениями в чтении и комментировании античных авторов⁸.

Однако самым убедительным доказательством того, что южные и восточные славяне знали риторику и руководствовались ею, является само творчество славянских ораторов. Анализируя их произведения, мы найдем множество иллюстраций к трем отделам риторики — *Inventio* (нахождение мыслей), *Dispositio* (их расположение), *Elocutio* (словесное выражение). О двух других отделах — *Memoria* (напоминание) и *Actio* (произнесение), к сожалению, судить не можем, так как история не сохранила нам свидетельств, каким именно образом древнеславянские проповедники произносили свои проповеди или читали их (с изъяснением чувств, с обилием жестов, с использованием мимики и риторической декламации или бесстрастно, монотонно, глухим и слабым голосом, потупив очи долу, в полной неподвижности).

Итак, болгарский, русский и сербский народы обладали единой греко-славянской основой ораторской прозы, использовали одну и ту же систему и теорию жанра. Таков комплекс типологической общности ораторской прозы.

Этот комплекс подкреплялся другим комплексом типологической общности, состоящим в единстве литературного языка,

торов. См. подробнее: R. Browning. *Byzantinische Schulen und Schulmeister.* — «Das Altertum», Bd. IX. Berlin, 1963, H. 2, s. 110.

⁷ «Žitie Konstantina». — В кн. «Magnaе Moraviae fontes historici», t. II. *Textus biographici, liturgici.* Curaverunt D. Bartoňková, L. Havlík, J. Ludvíkovský, Z. Masařík, R. Večeřka, Brno, 1966. s. 65. Ср.: *Т. Трифунувий.* Константинова (Ђирилова) книжовна дела у светлости неких Фотијѣвих книжевно-естетичких погледа. — В кн. «Симпозиум 1100 — годишнина од смрти на Кирил Солунски». Македонска академија на науките и уметностите. Скопје. 1970, стр. 249—260.

⁸ Здесь имеются в виду упоминания «риторики» «омирьс ихъ» и «риторьских книгъ» в предисловии к переводу Феодосия Грека «Послания папы римского Льва к архиепископу константинопольскому Флавиану» (1142), в Послании митрополита Климента Смолятича к пресвитеру Фоме (1147—1156), в Ипатьевской летописи под 1233 г., в Житии Иоасафа Каменского (XV—XVI в.), в Житии Евфросинии Суздальской, составленном иноком Григорием (XVI в.).

в подобии процессов в жизни феодального общества, в общности мировоззренческих позиций, в наличии непосредственных контактных связей между южными и восточными славянами с древнейших времен. Вряд ли необходимо подтверждать эти факты примерами. В жизни феодального общества этих стран проходили близкие процессы политического и социально-экономического развития: образование единого государства с сильной монархической властью во главе и появление децентрализаторских тенденций феодальной вотчинной знати, дальнейшее развитие натурального хозяйства, а также торговли и ремесел, образование и расцвет культуры народностей, возникновение угрозы порабощения извне и т. п. Близкие социально-экономические и политические факторы определили и сходство развития культуры южных и восточных славянских народов, в том числе — и ораторской прозы.

Основные пути развития торжественного красноречия.

Периодизация

Славянские народы не знали единого литературного развития, равномерного и постепенного. Их политическая история в средние века была всегда насыщена классовой борьбой, столкновениями и войнами, разрушениями, а также возрождением и созданием. Основу национальному и литературному развитию славянских народов положили солунские братья Кирилл и Мефодий. Оба они создали почву для культурного сближения всех ветвей славянства. Их проповедническая деятельность явила образцы ораторского искусства, в том числе и в области эпидейктической проповеди. В 860—861 гг. в Херсонесе Таврическом Константин-Кирилл произнес на греческом языке *Brevis historia* и *Sermo declamatorius* в честь папы Климента Римского, чьи утраченные мощи ему удалось с помощью херсонесцев разыскать на отдаленном, затопленном морем острове и перенести в местный соборный храм. В дальнейшем оба произведения были переведены на латинский и славянский языки и стали достоянием литературы на этих языках⁹.

Не исключено, что первые памятники торжественного красноречия на старославянском языке возникли у чехов и моравов. Однако до наших дней они не дошли: лишь в рассказе Повести

⁹ Поздние версии обоих слов сохранились в русских списках XVI в., см.: «Слово на обретенне и пренесение мощей преславного Климента Римского» — рукопись Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ), собр. Волоколамского монастыря, № 195 (593), начало XVI в., лл. 488 об.—496 об.; «Слово похвальное священномученику Клименту, папе Римскому» — рукопись Гос. исторического музея (Москва), Синодальное собр., № 988, ноябрь 1552 г., лл. 1187—1201 об. Латинские версии этих «Слов» не сохранились, но они повлияли через посредство писателей IX в. Анастасия Библиотекаря, Гаудериха и Иоанна Химмонида на «*Vita cum translatione s. Clementis*» (итальянскую легенду XII в.)

временных лет о княгине Ольге и в некоторых латинских источниках отыскиваются следы Похвалы Людмиле Чешской, по-видимому, X века⁴⁰.

Болгария. Болгарский народ рано воспринял наследие славянских первоучителей, в том числе искусство похвальной речи. Историю эпидейктического красноречия, тесно связанного с историей болгарской литературы и государства, можно было бы подразделить на следующие этапы: 1. IX—XI вв. (Первое Болгарское царство); 2. XII в.—1393 г. (Второе Болгарское царство до взятия Тырнова турками-османами). 3. 1393 г.—XVI в. (время османского владычества).

Первый период характеризуется становлением и расцветом основных жанров болгарской литературы, в том числе и торжественного красноречия. Ученик Мефодия Климент в конце IX—начале X в. в Охриде сочиняет праздничные и похвальные «слова» традиционным греко-славянским святым и новоявившимся славянским святым Кириллу и Мефодию (две похвалы). Иоанн Экзарх в то же время в Великом Преславе пишет похвалы Иоанну Богослову и на праздничные дни. Все это не чистые энкомии: вторая часть произведения, как правило, представляет собою поучение о значении каждого праздника и морально-этическое наставление христианину. Княжеская похвала в ораторской прозе Болгарии отсутствует⁴¹. После времени Симеонова в течение последующих 300 лет в области торжественного красноречия не было создано ничего существенно нового: напряженная политическая обстановка на Балканах не способствовала литературному творчеству. Болгарский народ был вынужден отбивать натиски многочисленных врагов, затем начался период византийского рабства (1018). В эпоху расцвета Второго Болгарского царства, в середине XIV в., возникают краткие похвалы царю Иоанну-Александру 1337 г., 1356 г. (монаха Симеона) и некоторым другим лицам, которые более напоминают так называемые некрологические характеристики князей в приписках к книгам, в надгробных надписях и летописях, чем самостоятельные памятники красноречия.

Во второй период своей истории ораторская проза достигает значительного расцвета в Тырнове и Видине в 70—90-е годы XIV в., при царе Иване Шишмане III. Ученик исихастов и Феодосия Келифаревского, Евфимий (1375—1393, патриарх Тырновский) создает образцы панегириков нового византийско-славянского стиля—царю Константину Великому и матери его Елене, святым Ивану Поливотскому, Михаилу, воину Потукско-

⁴⁰ R. Jacobson. The kernel of comparative slavic literature.— «Harvard slavic studies», vol. I. Cambridge, Mass., 1952, p. 44. Ср.: А. И. Рогов. Сказание о начале Чешского государства в древнерусской письменности. М., 1970, стр. 222.

⁴¹ Похвала царю Симеону в предисловии к Изборнику 1073 г.— стихотворное произведение.

му, Неделе. Эти творения отражают намерение Болгарского государства и церкви возвеличить своих святых, чьи мощи находились в Тырнове или почитались народом. Некоторые из этих «слов», как, например, Похвальное слово Константину и Елене, были написаны по заказу царя. Похвальное слово должно было способствовать прославлению правящей династии Шишмановичей, находившихся (благодаря браку Михаила Шишмана с дочерью короля Милутина) в родстве с сербскими Неманичами; а Неманичи возводили свою родословную через Ликиния к Константину Великому. В некоторых из похвальных речей Евфимия уже звучат тревожные ноты по поводу внешней опасности, неотвратимо нависшей над Болгарией.

Ученики Евфимия продолжали его литературное дело. Видинский митрополит Иоасаф произнес Похвалу мученице Филофее (1395), мощи которой были перевезены из разоренного Тырнова в Видин и хранились в кафедральной церкви города; они особенно почитались семьей местного властителя Ивана Срацимира. Киприан, киевский митрополит с 1379 по 1406 г., сочиняет в духе Евфимиевой школы «Слово похвально святителю Петру, митрополиту» (1381).

После взятия Тырнова турками-османами в 1393 г. часть болгарской интеллигенции эмигрировала в Сербию, в Россию, в Молдавию. Один из ее представителей — Григорий Цамблак, литературная деятельность которого принадлежит не только одному болгарскому народу. В Дечанах, Сочаве, Нямцу, Киеве, Новогрудке, Вильно, Москве и Констанце он произносил торжественные проповеди, самые известные из которых это «Слова» в честь Киприана и Евфимия, а также многочисленные похвалы традиционным греко-славянским святым и на праздничные дни. Творчество Григория Цамблака — вершина Тырновской литературной школы и Балканского торжественного красноречия вообще. Османское завоевание в конце XIV в. насильственно прервало политическое и культурное развитие болгарского народа, угасло и торжественное красноречие. Лишь в 50—60-е годы XVI в. неизвестный софийский проповедник написал в духе Евфимиевой школы «Беседу похвальную» пострадавшим от турок софийским мученикам Георгию Новому, Георгию Новейшему и Николе Новому, которую, вероятно, читали в уцелевших болгарских церквях борцы за национальное освобождение. Любопытно, что последний памятник средневековой болгарской эпидейктической прозы прославляет не представителей светской и духовной знати — царей, князей, патриархов, митрополитов, а простых людей — горожан (ювелира и сапожника).

Сербия. Сербско-хорватский народ не позже болгарского вступил на путь государственного и национального развития на основе христианизации. Знал он и произведения торжественного красноречия еще в IX в.: такова краткая «Похвала Кириллу Философу». Следы не дошедшей до нас «Похвалы св. Симеону» пер-

вой половины XIII в., сочиненной учеником св. Савы Афанасием, прослеживаются в Доментиановом житии Симеона.

Однако бурный рост отечественной эпидейктики начинается лишь с конца XIII в. Здесь условно можно было бы выделить два этапа ее истории: 1. XIII в.—1389 г. (до битвы на Косовом поле); 2. 1389 г.—XVI в. (время упадка сербского государства и османского владычества). Расцвет сербской литературы в первый период связан с поступательным развитием национального государства и культуры. В первых панегириках прославляются создатели Сербской державы (Стефан-Симеон, Неманя), основатель Сербской церкви архиепископ Сава Неманич. Таковы произведения хиландарского монаха Феодосия («Похвала св. Симеону и св. Саве», 1290—1292), ученика Данилы Старшего хиландарского монаха Никодима («Похвала Саве», 1321—1322). Эти панегирики отвечали задаче обожествления королевской власти, возвеличению правящей династии Неманичей. После трагичной для истории сербского народа Косовой битвы, окончившейся поражением и гибелью князя Лазаря, началась пора агонии Сербского национального государства. Второй период характеризуется появлением трагических нот и скорбной темы об ушедшем былом величии в памятниках эпидейктической прозы. Таковы «слова» о Симеоне, Саве, короле Милутине патриарха Данилы Младшего. В конце XIV—начале XV в. создается несколько похвальных «слов» князю Лазарю в связи с его канонизацией¹²: не дошедшие до нас «Надгробное рыдание» 15.VI 1389 г. на Косовом поле сына героя—Стефана Лазаревича, «Повестное слово» 1392—1393 гг. Данилы Младшего, Похвалы 1392—1398 гг. Раваничанина 3-го, 1402 г. монахины Евфимии, 1403 г. княгини Милицы—монахини Евгении, 1419—1420 гг. Антония—Рафаила, грека из Епактита. В прославлении героя Косовой битвы звучит скорбь по поводу несбывшихся надежд народа на политическое объединение страны. Центром почитания князя Лазаря стал монастырь Раваница, основанный в 1381 г. В XV в. трудная политическая обстановка на Балканах не способствовала литературному творчеству. Серб Пахомий, игумен монастыря св. Павла на Афоне, в 1437 г. отправляется на Русь, где становится профессиональным писателем. 24 декабря 1456 г. неизвестный смедеревский книжник произнес великолепное надгробное слово деспоту Юрию Бранковичу, в котором звучит сильная скорбь по поводу несчастья, постигшего сербский народ, и предчувствие новых бед; и действительно,

¹² Похвалы князю Лазарю Раваничанина 2-го (1390—1393), светская похвала князю Лазарю и косовским юнакам в надписи и в Хиландарской рукописи № 425 является стихотворной. Любопытно отметить, что творцами двух едва ли не самых замечательных произведений Косова цикла были женщины, вдовы князей Углеша и Лазаря, княгини Елена и Милица (в монастыре Евфимия и Евгения),—случай любопытный в истории ораторской прозы древних славян.

в 1459 г. турки захватили Смедерево и превратили земли наследников князя Лазаря в Смедеревский пашалык. Приблизительно в это же время воспитанник византийской литературной школы Димитрий Кантакузин из Нового Брда создает два похвальных слова в честь традиционных греко-славянских святых Димитрия Солунского и Николая Мирликийского; «слова» были приурочены, вероятно, к освящению двух соименных сербских церквей. В начале XVI в. в области Срем создаются две похвалы представителям княжеского рода Бранковичей — деспоту Ивану (ум. 1502 г.) и его брату Юрию, в монашестве Максиму, первому белградскому архиепископу, основателю Крушедолского монастыря (ум. 1516 г.). Множество похвал типа некрологических характеристик сохраняются в записях и надписях многочисленных сербских книг и летописей. В первой половине XVI в. серб Лев Аникита Филолог, неизвестно где живший — в Сербии или на Афоне, — пишет по заказу русских книжников несколько замечательных похвальных «слов» русским святым Зосиме и Савватию Соловецким, князю Михаилу Черниговскому. В XVI—XVII столетиях торжественная проповедь в самой Сербии еще существует: создаются «Похвала» и «Повестное слово» господарю г. Моровича Стефану Штильяновичу (ум. 1540 г.), с чьим именем народ связывал надежду на лучшие времена: сербские национальные святые были тогда знаменем борьбы против османского и фанариотского гнетов.

Молдавия. Интерес к торжественному красноречию на славянском языке у молдаван возник после падения Второго Болгарского царства, когда, спасаясь от османской угрозы, за Дунай пришли болгары, принешие с собой книги на славянском языке. Церковное красноречие на славянском языке привилось и бытовало в Молдавии вплоть до XVII в. Его центрами была в самом начале XV в. Сочава, столица господаря Александра Доброго, где Григорий Цамблак произнес немало блестящих праздничных «слов». Традиция, начатая знаменитым пресвитером молдавлахийской церкви, поддерживалась и позднее в Нямуцу, где игумен Феодосий, используя в качестве источника сочиненное Григорием Цамблаком «Житие Иоанна Нового», составил в 1534 г. сочавскому святому пространный панегирик. Имя последнего было знаменем самостоятельности молдавлахийской православной церкви. Обращение к памяти Иоанна Сочавского было неслучайным в годину, полную тревог и нестроений, в эпоху господаря Петра IV Рареша, пытавшегося освободить страну от иноземной власти.

Россия. В Киевской Руси после крещения (988) книжники начали быстро перенимать болгарский опыт развития христианской литературы на славянском языке и создавать свои оригинальные произведения. Мы ставим историю торжественного красноречия в прямую связь с историей древнерусского общества и русской литературы и намечаем следующие этапы: 1. Ко-

нец X — начало XIII в. (Киевская Русь); 2. XIV—XV в. (Русские земли в эпоху возвышения Москвы и образования Русского государства); 3. XVI в. (Русское централизованное государство). Первое оригинальное и совершенное произведение торжественного красноречия Древней Руси — «Слово о законе и благодати», произнесенное придворным проповедником Иларионом в киевском Десятинном храме, у гроба князя Владимира, около 1049 г., построено по всем правилам греко-славянского ораторского искусства, в духе так называемого «второго типа» панегирических «слов», соединявших энкомий с акафистом. Однако в этот тип речей Иларион внес нечто свое, присоединив к нему вначале апологетико-полемическое по форме сочинение против иудаизма с апологией христианства. «Слово» прославляет Русскую землю и равноапостольного князя Владимира и его наследника князя Георгия (Ярослава Мудрого). XI—XII векам принадлежат похвалы матери князя Владимира — княгине Ольге, его сыновьям, мученикам Борису и Глебу, злодейски убитым в 1015 г. (два Вышгородских «слова», одно Киево-Печерское и одно — Черниговское 1175 г.), праправнуку Ярослава Мудрого киевскому князю Ростиславу Мстиславичу (ум. 1157 г.), сыну Ростислава киевскому великому князю Рюрику («Речь» Моисея Выдубицкого 1199 г.); широкое распространение в летописях получают некрологические характеристики русских князей: десятки их читаются на страницах Лаврентьевской и Ипатьевской летописей. Косвенную похвалу князю Изяславу Ярославичу, сыну Ярослава Мудрого, содержит «Слово о чуде св. Климента Римского о отрочати», произнесенное в 60-е годы XI в. в киевском Десятинном храме над вывезенными «равноапостольным» Владимиром из Херсонеса мощами папы Климента. Почитаемый у православных и у католиков, Климент Римский одно время считался «присным заступником стране Русстей и венче украшенным славному и честному граду нашему и велицей митрополии же мати градом», т. е. Киеву. Это «слово» продолжало кирилло-мефодиевскую традицию почитания папы Климента у восточных славян. К 1093—1096 гг. относится «Похвала Феодосию Печерскому», основателю русского общежительства, вышедшая из стен Киево-Печерского монастыря. В XI—XII вв. создаются похвалы традиционным греко-славянским святым и праздничные проповеди, среди которых замечательны творения «второго Златоуста» — Кирилла Туровского.

После долгого перерыва, вызванного татаро-монгольским нашествием и перенесением центра политической и культурной жизни из южной Руси на северо-восток, мы находим первую похвалу князю московскому Ивану Калите типа некрологической характеристики в Евангелии 1340 г. Появление подлинных произведений эпидейктического красноречия во второй период его истории связано с проникновением на Русские земли так называемого второго югославянского влияния. Вначале Киприан

создает в 1381 г. «Слово похвально святителю Петру Митрополиту», потом Епифаний Премудрый пишет между 1397 и 1408 гг. «Слово похвальное Сергию Радонежскому», основателю Троице-Сергиевой обители; тогда же неизвестный проповедник сочиняет краткую похвалу тому же святому. Митрополит Фотий Грек, заимствуя из «Учительного евангелия» греческого патриарха Филофея, пишет в первой четверти XV в. праздничные проповеди, а ученый серб Пахомий в 30—60-е годы XV в. сочиняет панегирики Варлааму Хутынскому, митрополиту Петру, князю Михаилу Черниговскому, праздничные «слова» новгородской иконе знамения богородицы, Покрову богородицы, на перенесение мощей митрополитов Петра и Алексея. Многочисленные подражатели Епифания и Пахомия, среди которых выделяются Геласий Вишерский, Феодосий Бывальцев, Макарий Прилуцкий, Иринарх Глушицкий, пишут во второй половине XV в. похвалы местным русским святым — Савве Вишерскому, Макарию Прилуцкому, Дионисию Глушицкому, Григорию Пельшемскому, Сергию Радонежскому, Никите Переяславскому, Леонтию и Исидору Ростовским, митрополитам Петру и Алексею, а также «слова» на праздничные дни. Княжеская похвала занимает весьма скромное место. Известные западнорусские книжники сочиняют в XV в. две похвалы великому князю литовскому Александру Витовту, одну (на латинском языке) похвалу Витовту и Ягайло, московские книжники — «Слово о житии и преставлении Дмитрия Донского» и «Похвалу великому князю Василию II», тверской книжник — инок Фома — «Слово похвальное великому князю тверскому Борису Александровичу». Не особенно заботясь о «чистоте жанра», писатели соединяют панегирик то с книжной припиской, то с княжеским житием, то с летописью, то с повествованием типа сказаний. Устное выступление уже не играет той роли, которое оно играло в Киевскую эпоху; его окончательно заменяет словотворчество в письменной форме.

В то время как на Балканах в XVI в. торжественное красноречие угасает (нам известны лишь два произведения в Сербии и одно в Болгарии), в России оно достигает значительного развития. Третий период истории эпидейктической проповеди — XVI век — был итоговым для древнерусского торжественного красноречия. В XVI и первой половине XVII в. на огромной территории от Соловецкого монастыря на Соловецких островах Белого моря на севере до Пафнутиева-Боровского монастыря на юге, от Пскова на западе до Свяжска на востоке возникают около сотни произведений, целью которых было прославить весь громадный сонм новоявленных святых русской церкви — основателей монастырей, архиепископов и митрополитов, подвижников и юродивых, возвеличить предков нынешней правящей династии из рода Рюриковичей — княгиню Ольгу, князей Владимира Святославича, Константина Святославича Муромского, Михаила Всеволодовича Черниговского, Василия и Константина

Всеволодовичей Ярославских, Александра Ярославича Невского, Василия III и многих других. Неизвестный западнорусский книжник в Супрасльском монастыре создает в 30-е годы XVI в. в духе киевской традиции «Похвалу брацлавскому старосте и великому гетману литовскому Константину Ивановичу Острожскому», сохранившуюся в конце «Краткой киевской летописи». Василий-Варлаам Псковский, Герасим Новгородский, Герасим Фирсов, Григорий Суздальский, Досифей Соловецкий, Досифей Топорков, Зиновий Отенский, Иоанн Свяжский, царевич Иван Иванович, Иоасаф Новгородский, Иосиф Новгородский, Лев Аникита Филолог, Макарий Колязинский, Максим Грек, Маркелл Новгородский, Михаил Владимирский, Пахомий Ярославский, князь Семен Иванович Шаховской, Сильвестр Благовещенский, Филофей Пирогов — вот далеко не полный перечень панегиристов, чьи имена сохранила нам история.

В XVI — начале XVII в. мы наблюдаем еще одно любопытное явление — возрождение устных речей: политические деятели очень любили выступать с речами. Таковы придворно-панегирические речи митрополита Макария, Сильвестра Благовещенского, самого Ивана Грозного, патриарха Иова, Терентия Благовещенского. В стилистическом отношении энкомий Елифаниева и Пахомиева типов достигает полного развития и до конца использует все возможности своей формы в рамках «стиля эпохи» — «идеализирующего биографизма». В эпигонстве формы явственно чувствуются неотвратимый кризис жанра; старый энкомий сменяется в середине XVII в. энкомием эпохи барокко, построенным по последнему слову схоластической науки.

В XVIII в. эпидейктическое красноречие старой традиции (надгробные речи) еще продолжает жить в среде выговских старообрядцев, но и оно скоро угасает.

Итак, развитие торжественного красноречия было в славянских странах неравномерным в количественном отношении: в ранний период (IX—XIII вв.) мы насчитываем по двадцать шесть эпидейктических памятников в Болгарии и на Руси, два в Сербии, один в Чехии; во второй период (XIV—XV вв.) около тридцати в Болгарии и столько же на Руси, четырнадцать в Сербии; в XVI в. один в Болгарии, четыре в Сербии и более ста в России¹³. Неравномерным оно было и в качественном отношении: если в Болгарии торжественное красноречие было больше связано с жизнью церкви и возникновения новых разновидностей поджанра почти не происходило, то на Руси и особенно в Сербии связь ораторской прозы с государственной жизнью выступает весьма явственно. Ускоренное развитие литературно-риторической символизации государственных и политических идей сказывается в поисках и развитии новых форм проповеди: в Сер-

¹³ Лишь дальнейшие конкретные исследования помогут проверить репрезентативность наших статистических подсчетов. Возможно также, что в процессе разысканий цифровые данные будут уточняться.

бии из княжеской похвалы возникают так называемые повестные слова, на Руси — придворно-политический панегирик. Эпидейктическое красноречие развивалось синхронно с развитием культуры славянских стран, являясь, как правило, показателем высокого ее уровня. Развитие панегирика идет рука об руку с развитием других жанров, и, прежде всего агиографии и гимнографии. Из жития святого проповедник черпал фактический материал для похвалы этому же святому, из его службы — выписывал целые ряды «радований» и «ублажений». Ораторская проза, стремясь к экспансии, сама влияет на другие жанры.

В Сербии впервые в XIII—XIV вв. панегирический стиль соединяется с агиографическим стилем (агиография Феодосия, Доментиана, Данилы и др.), похвала с житием. Такой же процесс происходит во второй половине XIV — начале XV в. в Болгарии, Сербии и Молдавии (агиография Евфимия Тырновского и Григория Цамблака) и на Руси (агиография Киприана, Елифания Премудрого, Пахомия Сербя и многих других). Панегирический стиль в XV—XVI вв. оказывает сильное воздействие на летописание, повествование, учительную прозу, гимнографию и способствует жанровой синтезации. Раскрыть основные закономерности и особенности этого сложного литературного процесса — одна из важнейших задач будущего. Представляет интерес исследование причин и обстоятельств кризиса и угасания торжественного красноречия традиционного типа в России, несмотря на сравнительно благоприятные условия и высокие количественные показатели.

Межславянская литературная общность и национальная специфика

В истории эпидейктического жанра у славян можно увидеть как общее (межславянское), так и частное (национальное). Культуры трех народов — болгарского, русского и сербского — были тремя рецензиями одной древнеславянской культуры. Единство литературного языка, единство системы жанров и стилей и лежащего в основе этой системы художественного метода, покоящегося на неоплатоновской эстетике, не могло не сказаться на развитии торжественной ораторской прозы южных и восточных славян. Праздничные «слова» одним и тем же праздникам господним, богородичным и святым, которые могли бы с успехом читаться в любой из славянских православных церквей, похвальные слова одним и тем же святым греко-славянской церкви, почитаемым в Болгарии и Сербии, равно как и в России, одни и те же «вторичные жанры» — «Торжественники», «Златоустники», «Соборники», «Миней», наконец, одни и те же переводные эпидейктические произведения одних и тех же отцов церкви «предвизантийской» и «византийской» поры, бывшие в ходу у всех православных славян. Сочинения таких славянских писателей, как Кирилл и Мефодий, Климент Охридский, Иоанн

Экзарх, Иларион Киевский, Кирилл Туровский, Григорий Цамблак, Пахомий Серб, Лев Аникита Филолог, принадлежали не одному из трех славянских народов, а всем южным и восточным славянам.

В истории славянских литератур межславянская литература сыграла такую же роль, как среднелатинская литература в истории европейских литератур: роль хранительницы традиций (греко-византийских). Это общее, наподобие центробежной силы, удерживало, но так и не удержало центростремительные (национальные) тенденции славянских литератур. Начальное стремление ограничить роль торжественной проповеди служебной функцией, а ее развитие — рамками заданной триады властно разрушалось жизнью. В Болгарии эта центростремительная тенденция не сказывалась до XIV в., но и в XIV в. она не была столь сильной, как у русских в эпоху Киевской Руси и у сербов в XIII—XIV вв. Национальные тенденции проявляют себя не только в идеях возвеличения Болгарской, Русской или Сербской земель, ее властителей и покровителей, не только в отражении чаяний народа и его дум, но и в особых явлениях стиля: простого или изощренного, разной степени законченности и глубины. Природа таких явлений стиля, как абстрагирование, периодичность речи, итеративность, экспрессивность, синонимичность, ритмичность, может покоиться на разных основаниях, частью межславянских, частью национальных. Создание национальных традиций идет как бы бок о бок с разрушением межславянского единства и преодолением разного рода канонов, шаблонов, ситуативности и этикетности. Национальное проявляет себя и в создании новых разновидностей поджанра, не укладывающихся в триаду: праздничное слово, похвала святому, панегирик светскому властителю. Развитие поджанра на протяжении веков приводит к нарушению «подвижного равновесия» системы поджанра торжественного красноречия: у сербов в сторону панегириков светским властителям, у русских в сторону похвалы местным святым, у болгар в сторону праздничных «слов».

Жанрово-стилистическая типология

Типология жанров изучает приблизительно однозначные явления (жанр или систему жанров), объединяемые и в силу особенностей их композиционной структуры, и в силу их исторической повторяемости и изменяемости. Ее цель — рассмотреть способ формирования, организацию произведений как эстетического целого в связи с творческим методом и системой жанров эпохи. С точки зрения общей типологии, этот уровень типологического изучения представляется частным и не всегда эффективным, ибо типологические черты будут тем более зримыми и осязаемыми, «вещными», чем дальше друг от друга будут отстоять сопоставляемые явления и факты.

Но с точки зрения собирания материала для создания картины общелитературного развития типология жанров сулит большие выгоды, так как позволяет через сравнительно-историческую характеристику типологической природы отдельных жанров подойти к пониманию самых сокровенных законов художественного творчества¹⁴. Предмет нашего изучения поджанр ораторской прозы — торжественное красноречие южных и восточных славян — может быть рассмотрен и как единое целое, и по своим составным частям с точки зрения жанрово-стилистической типологии. Наша задача облегчается тем, что первоначально в основе этого поджанра лежали три неделимые структуры одного ряда или одного порядка: праздничное «слово», похвала святому, панегирик светскому властителю, строящиеся, по большей части и в конечном итоге, по канонам литературной риторики, имевшей со времен античности строго нормативный характер. Elocutio — третья формальная часть литературной риторики — в средние века еще не отпочковалась от нее как самостоятельное учение о стиле. Поэтому в средние века, как и во времена античности, стилистическое оформление материала (Elocutio) было тесно связано с подбором материала (Inversio) и композицией (Dispositio). Соответствие выражения оратора намерению оратора, целесообразность и уместность — вот два критерия идеального стиля, которые были действительными как для античности, так и для средних веков. Посредствующим звеном между содержанием и формой ораторских произведений были каноны в виде предписаний, регламентирующих выбор стилистических средств. В этой связи топики¹⁵ были могучим сред-

¹⁴ Подробнее см.: Ю. К. Бегунов. Типология ораторской прозы Болгарии и Руси IX—XII вв. (в печати).

¹⁵ «Топик», «loci communes», «Gemeinplätze», «common places», «общие места» — скорее устойчивые литературные темы, чем устойчивые литературные формулы. Исследование последних охотнее находит себе место в работах современных литературоведов-медиевистов (ср., напр.: Д. С. Лихачев. Литературный этикет в старорусской книжности. — «Эзик и литература», кн. 4. София, 1960, стр. 255—268; он же. Литературный этикет древней Руси (К проблеме изучения). — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 5—16; он же. Литературный этикет русского средневековья. — В кн.: «Poetics, poetyka, поэтика». Warszawa, 1961, стр. 637—649; он же. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, стр. 64—108; О. В. Творогов. Задачи изучения устойчивых литературных формул древней Руси. — ТОДРЛ, т. XX. М.—Л., 1964, стр. 29—40). Однако при этом создается опасность разрыва идейно-художественной ткани произведения, потому что так называемые этикет формул и этикет ситуации не возникают сами по себе в эпоху феодализма, а являются порождением *τέπις*, возникших еще в эпоху античности и исторически развивавшихся в течение многих и многих столетий в связи с развитием литературы. Кроме того, «этикет формул» и «этикет ситуаций» немислимы без одного компонента — «этикета идей». Только тогда эта триада может вместе покрыть понятие «топики». Историческая топики должна стать «во главу угла» исследований жанрово-стилистической структуры произведений и древнеславянских литератур (см.: E.-R. Curtius. Die lateinische Literatur und europäische Mittelalter. Bern,

вом развития литературной темы. Между тем исследованию топики торжественного красноречия южных и восточных славян уделялось очень мало внимания. Ученые гомилеты XIX—XX вв. рассматривали торжественное красноречие в основном с точки зрения внутренних и внешних свойств проповеди, церковных по преимуществу; известное внимание уделялось лишь отдельным приемам, рассматриваемым, как правило, вне структуры произведения. В настоящее время не существует научного изложения полной системы топики ораторских произведений. Последняя может быть восстановлена только индуктивным путем и изложена с помощью конкретных примеров. При этом следует иметь в виду, что, во-первых, определение топики торжественного красноречия южных и восточных славян не должно заслонять живую первооснову славянских разновидностей поджанра. Во-вторых, очередной задачей было бы установление «локального значения» каждого *тоπος* в каждом конкретном примере. В-третьих, топики, как и любая константа, не определяет ни характер произведения, ни развития литературы. Поэтому исследователю необходимо больше внимания обращать на нарушения «законов топики».

Понимая художественное произведение как некую структуру единства идеи и образа, мы полагаем, что задача исследователя эпидейктики состоит в раскрытии эстетических функций элементов структуры в их взаимосвязи. Успех в жанрово-типологическом исследовании зависит от того, каким образом, с какой степенью точности дано описание каждого произведения ораторской прозы. Выбор самой системы этого описания — дело не легкое и не простое. Однако нам думается, что оно должно вестись с учетом так называемой литературной риторики, столь же значимой для эпидейктического жанра у славян, сколь и у греков.

В заключение необходимо подчеркнуть, что без разрешения главной, эдициционно-текстологической проблемы невозможно решение и остальных проблем. Ведь прежде чем изучать произведения торжественного красноречия сравнительно-исторически, типологически, идейно-эстетически и т. п., необходимо располагать добротными научными изданиями их текстов. Что касается балканских славян, то большинство их ораторских произведений издано (за исключением «Слова похвального священику Клименту, папе Римскому», многих похвальных и праздничных «слов» Григория Цамблака, похвальных «слов» Ивану и Максиму Бранковичам и Стефану Штильяновичу), правда, по

1948, S. 87—113; *L. Arbusow*. Colores rhetorici. Eine Auswahl rhetorischer Figuren und Gemeinplätze als Hilfsmittel für Übungen an mittelalterlichen Texten. Göttingen, 1948, S. 91—121; *R. Cyževský*. Zur Stilistik der altrussischen Literatur. Topik.— В кн.: «Festschrift für Max Vasmer zum 70 Geburtstag am 28 Februar 1956. Zusammengestellt von M. Woltnner und H. Brauer». Wiesbaden, 1956, S. 105—112).

отдельным и подчас случайным спискам, без учета других списков и без изучения истории текста произведений. Удовлетворительными могут считаться лишь издания произведений, дошедших до нас в единственных списках¹⁶, а также последнее критическое издание сочинений Климента Охридского с учетом многих списков¹⁷. Что же касается русских, только некоторые произведения эпидейктической прозы Киевской Руси и отчасти Московской Руси изданы по отдельным и случайным спискам. Большинство же перечисленных выше русских панегириков XV—XVI вв. остаются неизданными, их многочисленные списки в архивохранилищах и библиотеках учтены слабо, не уточнен даже самый простой их перечень. Удовлетворительными следует признать только издания похвальных «слов» князьям Борису и Глебу¹⁸, праздничных «слов» Кирилла Туровского¹⁹, «Памяти и похвалы князю Владимиру» по многим спискам²⁰, а также некоторых «слов» Пахомия Серб²¹. Удовлетворительными можно признать издания произведений, дошедших до нас в единственных списках²². Несмотря на существующие издания, тексты боль-

¹⁶ Напр., см.: *Иоасаф Видинский*. Слово похвальное Филофее.— В кн.: *E. Katuzniacki*. Aus der panegyrischen Litteratur des Südslaven. Wien, 1901, S. 97—115; *Григорий Цамблак*. Слово похвално иже у Флоренти и у Костентин собору галатом, италом и римляном, и всем галатом.— В кн.: *Н. К. Никольский*. Материалы для истории древнерусской духовной письменности.— «Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук», т. LXXXII, № 4. СПб., 1907, стр. 147—152; *Смедеревец*. Надгробное слово Юрию Бранковичу.— В кн.: *Љ. Стојановић*. Тужбалица над ђурђем Бранковићем.— «Споменик СКА», т. III. Београд, 1890, стр. 91—92; то же в кн.: *С. Новаковић*. Примеры књижевности и језика старога и српско-словенска. Изд. 3. Београд, 1904, стр. 309—313; «Бесѣда вькратцѣ похвална» трем софийским мученикам.— В кн.: *П. Сырку*. Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XIV—XVII веках. Житие св. Николая Нового Софийского по единственной рукописи XVI в. СПб., 1901, стр. 144—157.

¹⁷ *Климент Охридский*. Събрани съчинения, т. I. Обработили Б. Ст. Ангелов, К. М. Куев, Хр. Кодов. София, 1970.

¹⁸ *Д. И. Абрамович*. Житие св. Бориса и Глеба и службы им.— «Памятники древнерусской литературы», вып. II. Пг., 1916; *С. А. Бугославский*. Памятки XI—XVIII вв. про князів Бориса та Гліба. Київ, 1928.

¹⁹ *И. П. Еремин*. Литературное наследие Кирилла Туровского.— ТОДРЛ, т. XI. М.— Л., 1955, стр. 342—367; т. XII, 1956, стр. 340—361; т. XIII, 1957, стр. 409—426; т. XV, 1958, стр. 331—348.

²⁰ *С. А. Бугославский*. К литературной истории «Памяти и похвалы князю Владимиру».— «Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук», т. XXIV. Л., 1925, стр. 105—159; Ср.: *А. А. Зимин*. Память и похвала Иакова Мниха и Житие князя Владимира по древнейшему списку.— «Краткие сообщения института славяноведения», вып. 37. М., 1963, стр. 66—75.

²¹ *В. Яблонский*. Пахомий Серб и его агиографические писания. Биографический и библиографический-литературный очерк. СПб., 1908.

²² «Инока Фомы Слово похвальное о благоверном великом князе Борисе-Александровиче». Сообщение Н. П. Лихачева.— «Памятники древней письменности и искусства», т. CLXVIII. СПб., 1908; «Похвала Василию II».— В кн.: *А. Попов*. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.) М., 1875, стр. 360—395.

шинства ораторских произведений остаются труднодоступными для современных исследователей, ввиду их разбросанности по многочисленным специальным журналам и сборникам XIX—XX вв., являющихся подчас библиографическими редкостями. В настоящее время отсутствуют и специальные хрестоматии по истории торжественного красноречия древних славян, в которых были бы сведены воедино, собраны и систематизированы все ораторские произведения. Без подобных изданий нечего и думать о всестороннем и глубоком изучении истории и типологии этого поджанра. Начинать надо, на наш взгляд, с составления подробных библиографических перечней всех ораторских произведений и поисков их списков в современных архивохранилищах и библиотеках СССР и зарубежных стран. Только когда все списки всех произведений будут собраны, можно приступить к изучению истории текста произведений и подготовке критических и полных научных изданий. В процессе поисков, может быть, откроются новые произведения ораторского искусства, неизвестные пока исследователям, и тогда наши представления об объеме и характере истории торжественного красноречия южных и восточных славян могут уточняться или меняться.